

М. М. Гухман

Philology.ru
Русский филологический портал

Выбрать раздел ▼

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(Теоретические проблемы советского языкознания. -
М., 1968. - С. 72-90)

До Октябрьской революции типологические проблемы не были объектом специальных исследований отечественных языковедов. Сопоставительно-типологические наблюдения включались по преимуществу в сравнительно-исторические исследования родственных языков. Так, А. А. Потебня, восстанавливая черты древнего синтаксиса индоевропейских языков, выделял типологические особенности, присущие разным этапам развития языков этой семьи, причем частично эти особенности осмыслялись как ступени единого процесса развития человеческого языка. Первые образцы типологии родственных языков дал в работах, посвященных сравнительной грамматике славянских языков, И. А. Бодуэн де Куртенэ. Наибольший интерес представляет предложенная им типологическая классификация славянских языков, основанная на отношениях долготы и краткости гласных к характеру ударения.

В этой связи были выделены пять групп славянских языков:

1. Подвижное ударение при наличии противопоставления долгих и кратких (сербскохорватский);
2. подвижное ударение при наличии противопоставления долгих и кратких только в ударных слогах (некоторые говоры словенского языка);
3. подвижное ударение при отсутствии противопоставления долгих и кратких гласных (русский, болгарский);
4. отсутствие подвижного ударения при наличии противопоставления долгих и кратких (чешский, словацкий);
5. наличие антропофонического ударения при отсутствии

противопоставления долгих и кратких (польский, кашубский, полабский, серболужицкий). Эти идеи Бодуэна де Куртенэ оставались фактически забытыми в течение ряда десятилетий, только в пятидесятые годы они были использованы в зарубежном языкознании при построении фонологической типологии славянских языков. На развитие типологических исследований в СССР Бодуэн де Куртенэ не оказал столь значительного влияния, как на разработку фонетической и грамматической проблематики. Фактически только в освещении типологических проблем у Поливанова и Смирницкого можно предполагать воздействие идей этого замечательного лингвиста, намного опередившего современную ему науку.

Но внимание Бодуэна де Куртенэ привлекала не только типология родственных языков. В его работах можно найти, хотя и разрозненные, замечания, касающиеся возможности сравнительного изучения неродственных языков [1], их общих структурных конфигураций, сходных изменений и процессов. Задачи подобных исследований намечались при этом в самом общем плане путем их противопоставления сравнительно-историческому изучению родственных языков. Хотя термины «типологические исследования», «типология языков» Бодуэн де Куртенэ не употреблял, он четко разграничивал наличие параллельных структурных черт, не зависящих от генетической общности (типологическое родство), от языкового сходства или подобия, основанных на общности происхождения (материальное родство). Изучение общих черт у неродственных языков рассматривалось как задача общей грамматики или философии языка в отличие от сравнительной грамматики родственных языков. Однако дальше этих общих соображений и замечаний Бодуэн де Куртенэ не шел.

Разработка типологической проблематики начинается в советском языкознании во второй половине 20-х годов. Наиболее продуктивными были 30-40-е годы (Н. Я. Марр, С. Л. Быховская, И. И. Мещанинов, Н. Ф. Яковлев, Е. Д. Поливанов, А. П. Рифтин, С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая, М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, П. Я. Скорик, О. П. Суник).

В первой половине 50-х годов не появляется ни одного исследования по этой тематике, затем во второй половине 50-х годов вновь оживает интерес к типологии (ср. работы И. И. Мещанинова, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, В. З. Панфилова, Б. А. Серебренникова, Э. А. Макаева, В. В. Иванова, М. М. Гухман и др.); круг вопросов, затрагиваемых в этих исследованиях, достаточно широк, задачи, стоящие перед типологией, рассматриваются с разных точек зрения, по разному определяется и соотношение методики типологических исследований с приемами структурного анализа, а тем более роль синхронии и диахронии в разработке типологической проблематики. Многоплановостью содержания, разнообразием направлений современные типологические исследования в СССР отличаются от более раннего периода, связанного прежде всего с работами И. И. Мещанинова и примыкавших к нему языковедов.

* * *

Пробуждение интереса к типологической проблематике в первый период (20-40-е годы) было в значительной степени обусловлено включением разноструктурных языков народов Советского Союза в орбиту лингвистических исследований. Практическая работа языковедов по созданию письменности, грамматик, новой терминологии и т. д. для бесписьменных и младописьменных народов бывшей царской России способствовала тому, что малоизученные и забытые ранее языки становились объектом исследования, а их материал нередко рассматривался в сопоставлении с материалом языков, давно описанных и изученных. Наиболее ранние типологические построения (Н. Я. Марр, С. Л. Быховская, И. И. Мещанинов) явились попыткой теоретически осмыслить и обобщить ту принципиально новую информацию о языковых структурах, которую принесло это необозримое разнообразие языковых материалов. Не случайно в первых типологических построениях факты неиндоевропейских языков Советского Союза занимали значительное место или даже играли

ведущую роль. С другой стороны, и в зарубежном языкознании уже в начале нашего века выделяется, наряду с дальнейшим развитием сравнительно-исторических исследований, группа работ, непосредственно связанных с типологической проблематикой. Труды Г. Шухардта, Уленбека, позднее Тромбетти, более частные работы Ройена, Вельтена, Г. фон Карольсфельда были широко известны в те годы у нас и критически использовались как в общих, так и специальных типологических исследованиях.

Первые типологические построения в советском языкознании связаны с именем Н. Я. Марра. Известный кавказовед-филолог, выдающийся археолог, внесший много нового в историю древнего Кавказа, Н. Я. Марр был представителем блестящей школы русских востоковедов, но не владел строгой методикой лингвистического анализа, сложившейся по преимуществу в рамках сравнительной грамматики индоевропейских языков. Быть может, частично именно поэтому он относился столь отрицательно как к самой методике сравнительного языкознания, так и к полученным при помощи данной методики результатам. Все это не могло не отразиться на его работах теоретического характера, в частности на типологических сопоставлениях и схемах. Отсутствие строгой методики анализа, использование в более поздних работах так называемого элементного анализа приводили к тому, что нередко отдельные интересные высказывания по типологическим проблемам опирались на произвольно отобранный и к тому же неверно используемый, а потому и неубедительный материал. Возможно, что этими же причинами объясняется и нечеткость (особенно в поздних работах) разграничения типологической и генетической общности. Между тем это разграничение является первой необходимой предпосылкой выделения проблематики типологических исследований как особого лингвистического направления. Теоретически Н. Я. Марр разграничивал типологическое и материальное родство и противопоставлял их друг другу. Он писал по этому поводу: «Яфетидология прекрасно различает типологическое и материальное родство» [2]. Но в практике

лингвистических исследований эти два плана смешивались, и предполагаемое типологическое сходство нередко заменялось произвольно устанавливаемыми гипотетическими генетически-стадиальными связями и наоборот.

В типологических построениях Н. Я. Марра выделяются два аспекта рассмотрения языков: 1) стадиально-типологическая стратификация языков, основанная на положении об единстве глоттогонического процесса, и 2) поиски универсалий, преимущественно на уровне семасиологии и этимологии (по терминологии Марра - палеонтологии).

Рассмотрение единства глоттогонического процесса и вместе с тем содержание, вкладываемое Н. Я. Марром в понятие «стадия», не были стабильными. В более ранних работах (ср., например: Марр, 1927) обнаруживается несомненная связь со старой трехчленной морфологической классификацией, представленной еще в работах В. Гумбольдта, - аморфный, агглютинативный и флективный типы языков. Эти три типа Н. Я. Марр рассматривал как три стадии единого глоттогонического процесса, пытаясь к тому же связать «системы построения звуковой речи» с определенными стадиями мышления и эпохами общественного развития [3].

Бесплодность этих схем не нуждается в специальных доказательствах, как и ошибочность теории, пытавшейся установить закономерные стадиальные соответствия между языковой структурой, с одной стороны, и особенностями мышления, а также общественными формами - с другой. Но вместе с тем Н. Я. Марр неоднократно отмечал неудовлетворительность, поверхностность и односторонность стадиальной характеристики языков, основанной только на морфологических признаках. Он вносит две существенные поправки в старую классификацию (Марр, 1927).

Один какой-либо признак, по мнению Н. Я. Марра, не может служить критерием выделения того или иного языкового типа: необходимо наличие признаков-координат, которые в сумме определяют ту или иную стадию, «Вместе взятые: 1) аморфность, т. е. отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм

(односложность слова), 3) синтетический строй, 4) отсутствие (или плохая дифференцированность) частей речи и 5) полисемантизм составляют как координаты совместно ту сумму решающих признаков, которая языку соответственной системы отводит совершенно определенное хронологическое место в пластах диахронического разреза всех языков мира» [4]. Те же принципы отличают и характеристику других языковых типов. Можно спорить о том, насколько удачно или правильно отобраны признаки-координаты, но несомненно подобная многоаспектная характеристика языкового типа представляла собой нечто новое по сравнению с привычными морфологическими схемами. Эти новые принципы типологических стратификаций получили затем развитие в работах И. И. Мещанинова при построении, однако, совершенно иных стадияльных схем.

Второй поправкой, внесенной Н. Я. Марром в старую типологическую классификацию, являлось отрицание существования «чистых» типов. Полистадиальность первоначально выделяется как структурная особенность яфетических языков: так, в грузинском отмечается наличие примет, характерных для агглютинирующего, флективного и даже аморфного типов. Но, поскольку для Марра каждый язык представлял собой результат разновременных скрещений и напластований, полистадиальность оказывается одним из постоянных признаков большинства языков. Положение это, несомненно, очень важное для типологических исследований, так как оно ведет к принятию сосуществования в одном языке микросистем, соотнесенных с разными иногда диаметрально противоположными структурными типами (ср. в этой связи некоторые современные исследования), затемнялось и искажалось у Н. Я. Марра противоречивыми формулировками, стремлением показать универсальность и закономерность стадияльных трансформаций.

Значительно более последовательно данное положение реализуется в работах И. И. Мещанинова, который не ограничился утверждением, что все намечаемые стадии «окажутся безукоризненно выдержанными только в

теоретических построениях, на практике же «чистых» стадияльных представителей не окажется вовсе» [5], но и превратил это положение в один из основных методических принципов своего стадияльного анализа.

В последние годы в работах Н. Я. Марра старая стадияльная схема отходит на задний план под влиянием гипотезы о «яфетическом прошлом» таких языков, как тюркские, финно-угорские, индоевропейские. Яфетические языки начинают рассматриваться как определенная ступень глоттогонического процесса и вместе с тем как компонент формирования языков разных семей. Грани между материальным и типологическим родством стирались, а высказываемые в этой связи предположения не могли получить необходимой лингвистической доказательности. Тем не менее идеи Н. Я. Марра по этому комплексу проблем оказали известное влияние на последующие работы других советских языковедов, пытавшихся найти пережитки деноминативного прошлого в индоевропейских языках (И. И. Мещанинов, С. Л. Быховская, С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая; М. М. Гухман).

Второй аспект типологических исследований Н. Я. Марра был связан с поисками языковых универсалий; наиболее ясно это сказалось в построении так называемых семантических пучков, типа небо - солнце - голова - гора, но косвенно к этой же линии примыкали и его исследования некоторых синтаксических категорий, например безличных глаголов. Постулируемые Н. Я. Марром семантические пучки, в равной мере как и методика их изучения, основанная на анализе по четырем элементам, из-за своей крайней субъективности не могли быть приняты даже ближайшими учениками Н. Я. Марра и, естественно, не использовались в последующих работах.

* * *

Влияние Н. Я. Марра на развитие типологических исследований 30- 40-х годов отразилось прежде всего в понимании задач типологии. В связи с тем, что в работах Н. Я. Марра доминирующее положение занимала идея о

единстве глоттогонического процесса, типологические построения других языковедов, в большей или меньше степени примыкавших к так называемому «новому учению о языке», были связаны в той или иной форме с глоттогонической проблематикой. Этим объясняется абсолютное господство в те годы диахронной типологии. Поворот И. И. Мещанинова в более поздних работах («Члены предложения и части речи») к синхронной типологии и фактический его отказ от стадияльных схем означал, хотя сам И. И. Мещанинов об этом нигде не писал, разрыв с глоттогоническими построениями «нового учения о языке».

Что касается диахронной типологии этого периода, то в ней могут быть выделены две линии, тесно связанные друг с другом и даже объединявшиеся в некоторых исследованиях. Это, с одной стороны, построение общих стадияльных схем, основанное на стадияльно-сравнительном анализе строевых особенностей языков разных семей и разных типов, и, с другой, - реконструкция доистории грамматического строя индоевропейских языков на основе типологических параллелей языков других семей.

Из наиболее оригинальных и значительных работ первой группы следует назвать «Новое учение о языке» и «Общее языкознание. К проблеме стадияльности в развитии слова и предложения» И. И. Мещанинова. Обе работы тесно примыкают друг к другу. В отличие от Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов создает свою стадияльную схему на основе различий в построении предложения, выдвигая на первый план рассмотрение субъектно-предикативно-объектных связей. Такой подход с самого начала обусловил привлечение при определении стадияльной стратификации многочисленных признаков-координат, как, например: 1) позиция падежа субъекта и объекта в языке: выделяется ли в парадигме падеж субъекта или он совпадает с одним из косвенных падежей, имеется ли один универсальный падеж субъекта, или падеж субъекта варьируется в зависимости от характера сказуемого, от типа глаголов, от всего содержания высказывания; 2) имеется ли в языке специальный падеж

прямого объекта или прямой и косвенный объект не различаются, является ли падеж прямого объекта универсальным или же его употребление ограничено определенными условиями; 3) включает ли предикат показатели лица, числа, классные показатели, согласуется ли он только с субъектом, только с объектом или с субъектом и объектом (полиперсонное спряжение) и как реализуется это согласование; 4) отличается ли структурно субъектно-объектно-предикативное словосочетание от словосочетаний непредикативного типа, противопоставлены ли глагольные и именные словосочетания и т. д. Масштабность такой постановки проблемы стадильности становится очевидной, если добавить к перечню лингвистических категорий перечень языков, на материале которых И. И. Мещанинов строил свои стадильные схемы. Ведущее место здесь занимают языки Советского Союза: чукотский и юкагирский, нивхский и эскимосский, абхазский и лезгинский, аварский и даргинский, лакский и грузинский, мингрельский и чанский и т. д. Из зарубежных языков - зулу и суахили, язык американских индейцев немепу, не считая французского и немецкого и т. д.

В первой из названных книг И. И. Мещанинов стремился построить свою стадильную схему в соответствии с весьма произвольными соображениями Н. Я. Марра о стадиях мышления. Сказалось здесь и влияние работ Уленбека, пытавшегося за необычным для индоевропейских языков построением предложения (эргативное предложение) обнаружить отражение особых мировоззренческих категорий. Попытки эти были обречены на неудачу не только вследствие упрощенного понимания соотношения языка и мышления, но, главным образом, из-за того, что сами проблемы, связанные с историей мышления, были и остаются наименее разработанными вопросами гносеологии. Не случайно во втором из названных трудов И. И. Мещанинов сосредоточивает свое внимание исключительно на языковых структурно-семантических признаках, оставаясь в рамках только языковой стадильной схемы. В едином процессе языкового развития он выделяет четыре

строю предложения: посессивный, эргативный, аффиктивный или локативный, номинативный; каждый строй характеризуется совокупностью определенных признаков. На основе детального анализа структур, представляющих каждый тип, И. И. Мещанинов выделяет три последовательные стадии (посессивную, эргативную и номинативную) и стремится показать пути стадияльной трансформации одного структурного типа в другой, а также известную закономерность этих трансформаций. Последующее развитие отечественной науки доказало необоснованность данной стадияльной схемы. Реальное соотношение рассматриваемых структурных типов значительно сложнее, а главное, они не являются закономерными звеньями, обязательными ступенями развития языка. Но вместе с тем в указанных работах впервые в языкознании был предложен опыт сопоставительно-типологического исследования разноструктурных языков, основанного на системном рассмотрении совокупности их важнейших строевых признаков, а не единичных внешних черт. Впервые была дана столь широкая конфронтация разносистемных языков, включая и такие малоизученные языки, как чукотский, нивхский, эскимосский. Это позволило И. И. Мещанинову обнаружить ряд явлений, общих для значительного числа языков, своего рода универсалий, как, например, неличный характер третьего лица, противостоящего в глагольной парадигме первым двум лицам (по-видимому, независимо от Мещанинова к тем же выводам пришел несколько позднее Э. Бенвенист), показать многообразие форм так называемого эргативного строя предложения и тем самым дать новую интерпретацию этой конструкции и т. д. Одновременно с работами И. И. Мещанинова публиковались и труды С. Л. Быховской, посвященные различным аспектам эргативной конструкции в ее соотношении с конструкцией номинативной. С. Л. Быховская привлекала наряду с материалом кавказских языков и баскского древние индоевропейские языки. Специальное внимание она уделяла критическому анализу трактовки этих конструкций в работах

Г. Шухардта. С работами И. И. Мещанинова были тесно связаны и исследования на материале языков нашего Севера, представленные его учениками П. Я. Скориком и О. П. Суником.

Типологическая проблематика в сороковые годы привлекала многих исследователей. Ей заплатили дань и такие ученые, как А. П. Рифтин и Д. В. Бубрих. Первый из них - специалист по древним языкам передней Азии, создавший ряд специальных филологических и лингвистических трудов по этим языкам, обратился к типологическим вопросам в связи с изучением генезиса и путей развития грамматических категорий в семитских и хамитских языках, хотя у него имелись и более общие работы. Так, в исследовании, посвященном категории множественного числа, А. П. Рифтин, сопоставляя обозначение множественного числа в шумерском и семито-хамитских языках и широко используя внутреннюю реконструкцию, приходит к выводу, что показатели множественности в этих языках восходят к указательным местоимениям, «выражавшим множественность с точки зрения зрительно-пространственной»; в самом же процессе становления множественности автор выделяет несколько ступеней, стремясь показать внутренние связи между этим процессом и другими изменениями в системах имени привлекаемых языков. Однако наибольший интерес из работ А. П. Рифтина этого плана представляет небольшая статья «О двух путях развития предложения в аккадском языке», в которой автор приходит к выводу о существовании двух путей развития сложного предложения: первый путь - развитие подчинения из сочинения, второй - развитие изнутри простого предложения через обособленные обороты. Автор полагает, что почти во всех языках могут быть обнаружены оба пути, однако для флективных языков ведущим является первый путь, тогда как в языках агглютинативных и инкорпорирующих главная роль принадлежит второму пути. Концепция А. П. Рифтина о двух путях развития сложноподчиненного предложения несомненно оказала влияние на трактовку этого круга вопросов в синтаксических

исследованиях по конкретным языкам.

Что касается Д. В. Бубриха, одного из создателей советского финноугроведения, то его немногочисленные типологические работы («У истоков склонения», «К вопросу о стадильности в строе глагольного предложения») не были показательны для его интересов и не получили широкого отклика.

Вторая линия диахронных исследований этого периода была представлена по преимуществу работами германистов (С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая, М. М. Гухман, отчасти В. М. Жирмунский). Это отнюдь не было случайностью. В последних работах Н. Я. Марра неоднократно высказывалось положение об «архаичном характере» германских языков, сохранивших пережитки яфетического языкового типа. Идея эта была в свое время поддержана Ф. Ф. Брауном, предполагавшим наличие яфетического субстрата в германской языковой группе. При всей неубедительности приводившихся Н. Я. Марром и Ф. Ф. Брауном фактов, сама гипотеза об архаическом характере германских языков перекликалась с поисками, наметившимися и в зарубежном языкознании: классические концепции традиционной компаративистики, согласно которым все основные особенности германских языков сводились к потере индоевропейского наследия, начинают пересматриваться именно в 30-е годы. Для развития проблематики зарубежной индоевропеистики этого времени показательны и то, что типологические сопоставления индоевропейских языков с языками других семей приводят к изменению прежних представлений о древнейшем структурном типе индоевропейского праязыка. Гипотеза об эргативном прошлом индоевропейских языков, высказанная в свое время Г. Шухардтом и Уленбеком, как известно, была принята К. Бругманом и включена во второе издание его компендиума. Работы А. Мейе и его школы выдвинули на первый план изучение реликтовых форм в качестве источника, позволяющего судить о древних структурных особенностях индоевропейских языков. Наконец, труды А. А. Потебни, дававшие новую интерпретацию древних

синтаксических моделей индоевропейских языков, способствовали развитию типологических исследований советских языковедов и оказали значительное влияние на отбор исследуемых категорий. Типологические построения советских языковедов на материале германских и, шире, индоевропейских языков оформлялись как бы на стыке перекрещивающихся влияний Н. Я. Марра, позднее И. И. Мещанинова, с одной стороны, и новых тенденций зарубежной компаративистики - с другой, причем в работах отдельных авторов степень влияния этих двух течений была отнюдь не одинаковой. В этой связи разным было соотношение философско-гносеологических проблем и собственно лингвистических. Наиболее широко философско-гносеологическую интерпретацию языковых фактов давали исследования С. Д. Кацнельсона. Вместе с тем общим для этой группы диахронных исследований было сочетание приемов внутренней реконструкции, осуществляемой в пределах германских языков на основании постулируемых «реликтов» их строя, и типологических параллелей из материала тех языков, которые рассматривались как представители стадияльно более древних типов. Схемы традиционной сравнительной грамматики отвергались, материал других индоевропейских языков привлекался в чисто сопоставительном плане, факты же германских языков, не получая необходимого сравнительно-исторического осмысления, непосредственно сопоставлялись с явлениями иноструктурных языков. Такая постановка проблемы и принятая методика исследования обусловили, естественно, значительные просчеты и прямые ошибки, связанные, в частности, с неверной архаизацией отдельных структурных особенностей германских языков. Попытке обнаружить в германских языках пережитки дономинативного строя были посвящены первые работы С. Д. Кацнельсона и М. М. Гухман. Работа С. Д. Кацнельсона «Генезис номинативного предложения», оригинальная по замыслу и направлению, выделялась широтой и многообразием затрагиваемых проблем. Супплетивность падежей личных местоимений, безличные глаголы,

особенность состава и закономерностей употребления причастий интерпретировались путем сопоставления с признаками эргативной конструкции в разных языках. Структурное противопоставление компонентов эргативного и номинативного предложения освещалось в связи с анализом особенностей выделяемых С. Д. Кацнельсоном стадий мышления, «реликтовые» же явления германских языков соотносились с эпохой перестройки эргативного строя предложения в номинативный. Но именно эта часть работы, наряду с дискуссионной трактовкой германских причастий, является наиболее уязвимой. Работа М. М. Гухман «Происхождение строя готского глагола» была значительно уже по тематике, что явствует из самого названия. Анализируя залоговые и видо-временные системы готского языка, автор пытался обнаружить пережитки синтаксических связей, характерных для эргативной конструкции в соотношении транзитивности и интранзитивности, действия и состояния, с одной стороны, и в залоговых (а частично и видо-временных) противопоставлениях - с другой. Типологическое сопоставление германского материала с фактами грузинского и баскского языков было лишено необходимой доказательности прежде всего из-за изолированной трактовки фактов готского языка, что и обусловило их неверную интерпретацию. С этим кругом вопросов не было связано раннее исследование А. В. Десницкой «Чередование гласных в германских языках», основная идея которого заключалась в анализе древних типов чередований, предшествовавших, по мнению автора, оформлению закономерностей аблаута в системе германских сильных глаголов.

В 40-е годы проблематика типологических исследований расширяется, идея об эргативном прошлом индоевропейских языков становится менее популярной, высказываются сомнения в доказательности подобных реконструкций (А. В. Десницкая, М. М. Гухман), в этой связи понятие «дономинативный» строй индоевропейских языков получает значительно более широкое толкование, чем в ранних

работах тех же авторов и отнюдь не связывается специально с реликтами эргативной конструкции. В ряде работ намечается сближение историко-типологического и сравнительно-исторического аспектов рассмотрения грамматического строя индоевропейских языков (ср. работы сороковых годов В. М. Жирмунского и А. В. Десницкой, отчасти М. М. Гухман). Внимание исследователей привлекают разные грамматические проблемы, в том числе - генезис прилагательных в индоевропейских языках (В. М. Жирмунский), древние модели индоевропейского словосложения (А. В. Десницкая), реконструкция древнейшего типа падежных оппозиций в индоевропейских языках и в связи с этим рассмотрение каузативности, транзитивности и интранзитивности (А. В. Десницкая), история атрибутивных отношений в древнеисландском (С. Д. Кацнельсон), конструкции с дательным-винительным лица, реликты древнего «деноминативного» строя индоевропейских языков в системе предикативных имен, включая причастие, в залоговых противопоставлениях, в соотношении предикативности и атрибутивности, предикативности и глагольности (М. М. Гухман). Для всей этой группы работ характерно широкое использование неиндоевропейских языков в целях реконструкции черт древнейшего индоевропейского грамматического строя: в исследовании В. М. Жирмунского процесс выделения индоевропейских прилагательных из недифференцированного имени восстанавливается как в результате анализа особенностей оформления прилагательного в самих индоевропейских языках, так и на основе типологического сопоставления с материалом языков, где более ясно сохранились черты этой древней недифференцированности (например, тюркские языки); в работе А. В. Десницкой древние модели индоевропейского словосложения сопоставляются с инкорпорированными комплексами, представленными материалом некоторых палеоазиатских языков и т. д. Из числа этих работ по широте проблематики выделяются две монографии: докторская диссертация А. В. Десницкой, посвященная истории

индоевропейского аккузатива, из которой опубликованы, к сожалению, лишь немногие главы, и книга С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования. Из истории атрибутивных отношений». Первая монография является фактически главой индоевропейской сравнительной грамматики, написанной, однако, с широким использованием сопоставительного материала языков других семей, что и позволило автору выделить разновременные пласты в системе значений индоевропейского аккузатива, а тем самым восстановить древнейший тип падежных оппозиций и показать пути их более поздних трансформаций. Работа С. Д. Кацнельсона построена как историко-грамматическое исследование одного языка - древнеисландского. Применение метода внутренней реконструкции и привлечение однотипных параллелей из разных языков используется в этом исследовании для реконструкции древних атрибутивных связей, реликты которых прослеживаются в языке древнеисландских памятников. В этой связи рассматривается целый комплекс сложных проблем: разные формы партитивного определения, происхождение прилагательных и специально степеней сравнения, двойная флексия прилагательных в германских языках, разные формы предикативного определения и т. д. История атрибутивных отношений восстанавливается на фоне процессов, связанных, по мнению автора, с изменениями, происходящими в мышлении, при этом выделяются три этапа этого процесса: первобытно-образная речь, чувственно-сущностная стадия речи и мысли и понятийное мышление.

* * *

Первые опыты применения синхронно-сопоставительного анализа к материалу неродственных языков связаны с именем Поливанова. Сопоставительное рассмотрение фонетических систем в его курсах по общему языкознанию, специально сопоставление строя узбекского и русского языков не представляли собой широких типологических

построений, но были интересны прежде всего методикой исследования. Типологическое осмысление получали в работах Е. Д. Поливанова и специфические особенности китайского и японского языков; типологический подход обусловил и его трактовку такого своеобразного построения как инкорпорация. Хотя Поливанов не оставил специальной работы по типологии, неширокий типологический фон присутствовал во всех его исследованиях по конкретным языкам и в общелингвистических пособиях.

Во второй половине 40-х годов наиболее значительные труды по синхронной типологии были созданы И. И. Мещаниновым («Члены предложения и части речи», «Глагол»). Переход Мещанинова к синхронной типологии был в значительной степени обусловлен разочарованием в тех стадияльных построениях, которые создавались как за рубежом, так и в советском языкознании. Показательны в этом отношении некоторые теоретические статьи, опубликованные И. И. Мещаниновым в конце 40-х годов. Основная тематика названных выше трудов - выявление общих черт в грамматическом строе языков, обладающих совершенно различной структурой, иными словами поиски грамматических универсалий как плана выражения (ср. описание способов выражения синтаксических отношений, используемых в разных языках), так и плана содержания (ср. рассмотрение систем грамматических категорий членов предложения и частей речи). Функционально-семантический аспект рассмотрения языковых фактов выдвигается П. И. Мещаниновым на первый план: единицы грамматического значения - «понятийные категории» - являются практически тем исходным инвариантом, различная реализация которого или полное отсутствие которого и определяют расхождения в грамматическом строе разных языков. «Понятийные категории» используются, таким образом, как своеобразные единицы измерения типологического сходства и различия грамматических систем. Интересно в этой связи отметить, что за последние годы, в связи с развитием типологических исследований за рубежом, такие языковеды, как И. Гринберг и Р. Якобсон, все чаще подчеркивают, что идентификация

грамматических феноменов в языках разных структур невозможна без применения семантических критериев». Одним из значительных в истории языкознания опытов синхронного изучения грамматической типологии являются несомненно труды И. И. Мещанинова 40-х годов как по объему проблематики, так и по охвату материала разноструктурных языков, что отнюдь не означает отрицания дискуссионности отдельных построений, а в особенности применявшейся методики лингвистического анализа.

В первой половине 50-х годов типологическая проблематика в советском языкознании временно отходит на задний план, более того, намечается у многих языковедов тенденция отрицать научное значение любых типологических построений. Однако интенсивная разработка разных разделов лингвистической науки, столь характерная для советской лингвистики этого десятилетия, развитие сравнительно-исторических исследований, с одной стороны, и структурной лингвистики, с другой, включение в орбиту исследования все большего числа языков Советского Союза, а особенно многочисленных языков Азии и Африки, способствовали возрождению интереса к типологическим проблемам. Это нашло свое выражение в серии конференций и дискуссий с разной тематикой (по морфологической структуре слова в языках разных типов, по агглютинации, аналитическим конструкциям, частям речи, эргативной конструкции, типологии восточных языков), в публикации многочисленных сборников, отдельных статей и специальных монографий.

В отличие от типологических исследований первого периода особое внимание уделялось общим теоретическим проблемам типологии: уточнению ее целей и задач, определению ее границ и возможностей, выяснению соотношения типологических исследований и сравнительно-исторического языкознания, наконец, методике и приемам анализа, включая вопросы, связанные с выделением единиц измерения типологического сходства и различия.

Неудовлетворенность и разочарование, связанные с опытом

построения широких типологических схем, особенно стадияльных, отразились в отборе проблематики и даже в своеобразной осторожности ее трактовки. На смену универсальным схемам пришли частные исследования, осуществляемые в применении к ограниченному кругу языков. С этими новыми тенденциями в какой-то мере соотнесено и обращение к типологии родственных языков (славянских, германских, романских). За немногими исключениями (к ним можно отнести работы И. И. Мещанинова, частично Б. А. Успенского, К. Е. Майтинской) широкий охват языков разных типов реализуется только в коллективных трудах (ср. «Аналитические конструкции в языках разных типов»), где типологическое сопоставление фактически сводится к соположению в пределах одного труда одномерных описаний рассматриваемого явления на материале нескольких (а иногда даже одного) близких языков, что очень интересно и полезно, так как является первой ступенью изучения разноструктурных языков, но, несомненно, не может заменить сопоставительно-типологического анализа того или иного языкового явления. Вместе с тем большинство работ этого периода отражает в той или иной степени влияние современной методики лингвистического анализа. Приемы структурального анализа используются не только в работах по собственно структурной типологии (ср. работы Б. А. Успенского, В. Н. Топорова, В. В. Иванова), но также в конкретных исследованиях и теоретических статьях иного направления (ср. очерки М. С. Гурычевой и Н. А. Катагощиной в сопоставительной грамматике романских языков, работы М. М. Гухман, Э. А. Макаева, В. Н. Ярцевой). Разнообразие тематики типологических исследований этого второго периода приводит к необходимости выделить несколько направлений в зависимости от объектов исследования и намечаемых задач. Предлагаемая ниже рубрикация и особенно отнесение отдельных работ к тому или иному разделу, конечно, условны и преследуют лишь одну цель - сделать многообразие проблематики более обозримым.

I. Для развития типологических исследований последнего десятилетия характерно, что возрождение интереса к типологии было прежде всего связано с задачами сравнительно-исторического языкознания. Уже в середине 50-х годов в связи с обсуждением тематики и методики сравнительной грамматики германских языков, на первой конференции по германскому языкознанию возник вопрос о возможности использования данных и приемов типологических исследований в сравнительной грамматике (М. М. Гухман). В последующие годы публикуется несколько исследований, частично являющихся откликом на известный доклад Р. Якобсона на VIII международном съезде языковедов (Б. Л. Серебренников, В. В. Иванов). В этих первых работах выделялись разные аспекты типологии (синхронно-типологические и диахронно-типологические исследования) и делались попытки определить их тематику и задачи; рассматривалась возможность и целесообразность использования материала языков разных семей для реконструкции древних архетипов, например, индоевропейских языков, при этом проводились различия в применении к фактам разных языковых уровней; дискутировалась сама возможность при современном состоянии типологических исследований оперировать универсалиями или понятиями общих законов; возникали сомнения в обоснованности введения широких типологических параллелей в сравнительную грамматику. Особо подчеркивалась в указанных статьях необходимость тщательного отбора типологических констант; выдвигалось требование сопоставлять не единичные явления любого языкового уровня, а целостные микросистемы или типы связей и отношений. Интерес ко всему комплексу вопросов, связанных с уточнением соотношения сравнительно-исторических и типологических исследований, сохраняется и в дальнейшем. Так, в статьях Э. А. Макаева конкретизируется соотношение сравнительно-исторического, историко-сопоставительного и собственно типологического изучения родственных языков. В связи с тем, что само понятие «типология», «типологическое исследование» становится

часто расплывчатым (ср. дискуссию по типологии восточных языков) и начинает распространяться на любое сопоставительное рассмотрение двух языков, а подчас даже употребляется в применении к одному языку без сравнения с языками сходной или иной типологии, уточняется само содержание типологических исследований; рассматривается система процедур, необходимая для реализации задач, стоящих перед типологическим и историко-сопоставительным изучением родственных языков, намечаются важнейшие задачи.

Если в первых статьях с данной тематикой отмечается довольно скептическое отношение к использованию типологии при реконструкции древних языковых архетипов, то в дальнейшем обозначается явный поворот в сторону сближения сравнительно-исторических и типологических исследований, причем высказываются даже соображения, что типологические сравнения имеют почти универсальный характер, в отличие от сравнительно-исторических. Тем самым предполагается, что не только типологические параллели могут служить ключом для понимания реликтовых форм тех или иных языков, но и сравнительно-исторические исследования могут дать интересный материал для установления некоторых общих закономерностей (ср. М. И. Бурлакова и др.).

Одновременно появляются и первые опыты использования фактов языков разных типов для реконструкции древнейших этапов развития индоевропейской языковой общности (Н. Д. Андреев, С. Д. Кацнельсон, В. В. Иванов). Весьма показательно, что авторы этих работ останавливают свое внимание преимущественно на явлениях фонологического уровня. Так, С. Д. Кацнельсон использует факты языка аранта для реконструкции протоиндоевропейской звуковой системы, пытаясь в свете этих фактов восстановить развитие реконструируемой системы вплоть до стадии протофонем, распад которых явился, по мнению автора, базой формирования индоевропейского консонантизма и вокализма. Типологическая интерпретация индоевропейских согласных использовалась и В. В.

Ивановым для реконструкции древнейшей системы индоевропейских ларингальных. Отнюдь не всегда авторы этих опытов опирались на тщательно продуманную внутреннюю реконструкцию самих индоевропейских языков, без чего фактически невозможно убедительное использование типологических параллелей. Иногда, поэтому, подобные параллели сводились к поверхностным аналогиям.

II. Весьма близки к данной разновидности типологических исследований работы по синхронной и особенно диахронной типологии родственных языков. Они связаны с постановкой типологического изучения славянских, романских и германских языков. Из работ теоретического плана, посвященных этой проблематике, выделяется ряд статей коллектива, возглавляемого В. Н. Топоровым (М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров); однако статьи эти фактически затрагивают более широкий круг вопросов, связанных с определением содержания и методики структурной типологии в целом (см. ниже), а не только славянских языков, как это можно предположить из заглавия. Специально методике и задачам синхронно-типологического изучения родственных языков посвящена коллективная монография, созданная на материале германских языков (под редакцией В. Н. Ярцевой). Здесь в ряде статей рассматривается специфика типологического изучения родственных языков, его соотношение с общей типологией, анализируется система приемов, используемая при исследовании явлений разных уровней; устанавливается понятие единицы измерения типологического сходства и различия; в качестве таковых для морфологического уровня разные авторы предлагают разные единицы - сему, грамматическую категорию и связанную с ней парадигму, морфологическое поле. Вместе с тем в некоторых статьях даются и конкретные образцы типологического анализа структуры сложных и производных слов в разных современных германских языках, морфемной организации слова в связи с построением парадигмы и т. д. Синхронные типологические исследования на материале родственных

языков имеют по преимуществу сопоставительный характер. Первый опыт построения сопоставительной грамматики группы родственных языков - курс лекций, читавшийся еще в 1946-1947 гг. покойным профессором А. И. Смирницким. Конспект части этого курса, опубликованный много лет спустя, содержит сопоставительное рассмотрение фонетических систем шведского, английского и немецкого языков, причем синхронный анализ сопровождается историческим рассмотрением индивидуальных черт отдельных германских языков. Совершенно иной характер имеет первая сопоставительная грамматика романских языков, создаваемая в последние годы под руководством М. С. Гурычевой и Н. А. Катагощиной (1966). Она представляет собой чисто синхронное сопоставительное исследование грамматических систем современных языков в целях выявления общероманских моделей. Сложность поставленной задачи заключается прежде всего в том, что рассматриваются не единичные явления и даже не микросистемы, как это обычно имеет место в типологических исследованиях, но целостные структуры: фонологические и морфолого-синтаксические системы романских языков. Поэтому был избран очень своеобразный путь: построению общероманских моделей или общероманского языка-эталона предшествует парное сопоставление отдельных языков - французского и провансальского (ч. I, авторы М. С. Гурычева и Н. А. Катагощина), испанского и португальского (ч. II, авторы Н. А. Катагощина и Е. М. Вольф). Строгость построения, единство методики анализа обеспечивают целостность реализации данного замысла.

Историко-сопоставительные или типологические исследования родственных языков особенно тесно примыкают к работам сравнительно-историческим. В советском языкознании характерным для многих трудов являлось стремление сочетать реконструкцию древнейших архетипов определенной языковой группы с описанием внутренних закономерностей развития этих языков, выделяемых на основании историко-сопоставительного их

анализа. В частности, данная установка отразилась и в некоторых разделах сравнительной грамматики германских языков, однако, далеко непоследовательно. Нельзя не учитывать, что вообще разные языковеды по-разному оценивают соотношение обоих моментов при построении сравнительной грамматики отдельных языковых групп и семей, по-разному акцентируют необходимость сочетания собственно сравнительно-исторического и историко-сопоставительного изучения родственных языков. В этом отношении выделяются труды В. М. Жирмунского, всегда утверждавшего, что задача сравнительно-исторического исследования заключается «в раскрытии внутренних закономерностей их развития, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между этими языками» [6]. Исходя из этих принципов, В. М. Жирмунский создал историко-сопоставительное описание диалектов одного языка (немецкого), а позднее обратился к рассмотрению внутренних закономерностей развития некоторых особенностей фонологической системы германских языков. Здесь звуковые изменения (количественные и качественные изменения вокализма, в том числе монофтонгизация и дифтонгизация, сужение долгих и расширение кратких) рассматриваются в конечном итоге как результат действия общегерманского сильного динамического ударения на первом слоге, которое и обусловило типологическую общность тенденций развития, проявляющуюся, однако, в конкретных индивидуальных системах каждого германского языка.

Сочетание сравнительно-исторического и историко-типологического анализа характеризует в большей или меньшей степени и другие работы по преимуществу германистов. Сюда могут быть отнесены некоторые работы М. М. Гухман, особенно ее монография «Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков», где автор пытается установить некоторые общие тенденции в различных формах реализации залоговых противопоставлений не только германских, но и

индоевропейских языков, с привлечением параллелей из языков других семей. Примыкает к этой группе работ и монографическое исследование Г. С. Щура, в котором автор стремится показать, как в разных германских языках обнаруживаются однотипные соотношения и связи в пределах рассматриваемых им категорий - в соотношении финитных и именных форм, футурума и форм наклонения. Характерным для историко-типологических исследований, объектом которых служат грамматические факты, является стремление сочетать дифференциальные признаки как плана выражения, так и плана содержания, причем сопоставляются не единичные явления, но определенные микросистемы, представленные грамматическими категориями или парадигматическими связями.

III. Широкие типологические построения на материалах языков разных семей немногочисленны. Здесь выделяется серия работ И. И. Мещанинова по синтаксическим категориям, специально его монография «Структура предложения». Исследования эти на новом уровне продолжают разработку синтаксических универсалий, начатую И. И. Мещаниновым еще в 40-е годы. Варианты основной схемы субъектно-предикативных отношений и должны быть по мысли автора положены в основу синтактико-типологической классификации языков. Анализ синтаксических структур соотнесен с морфологическим строем того или иного языка; тем самым раскрывается взаимодействие морфологических и синтаксических типов в конкретной реализации субъектно-предикативных связей, образующих ядро предложения в любом языке. Помимо работ И. И. Мещанинова, значительных исследований, охватывающих материал языков разных типов, в последнее десятилетие не было опубликовано. Однако в настоящее время начата разработка некоторых тем, связанных с проблемами универсалий: работа К. Е. Майтинской о путях оформления системы местоимений в языках разных типов, В. С. Храковского о каузативах. Что касается серии коллективных монографий по изучению разных аспектов структуры слова, то хотя эти сборники

представляют несомненный интерес, поскольку в них объединяются разработки одной и той же темы на материале разных языков и, следовательно, их материал в дальнейшем может быть использован для типологических исследований, все же публикуемые здесь статьи сами по себе не содержат типологических сопоставлений и обобщений, т. е. не могут быть отнесены к разряду типологических исследований.

IV. Особо должны быть выделены, хотя и немногочисленные, но очень интересные работы по структурной типологии, представляющие собой попытку определить задачи и содержание типологии, а также описать систему процедур, которые должны быть использованы для реализации намечаемых задач с позиций структурной лингвистики в той ее разновидности, как она понимается авторами (ср.: Бурлакова, Николаева, Сегал, Топоров, 1962, особенно же работы Б. А. Успенского). В специальной монографии Б. А. Успенского был сделан и первый опыт построения на основе предлагаемой структурно-типологической теории классификации языковых универсалий, а также был предложен образец списка синхронических универсалий из области фонетики и грамматики.

Первая из указанных статей намечает те условия, которым должно удовлетворять типологическое исследование, «чтобы не противоречить основным идеям и результатам структурного языкознания». На передний план выдвигается требование сравнивать не единичные явления, а целостные системы и подсистемы. Требование это по существу не содержит ничего нового, поскольку в советском языкознании, как это было показано выше, типологические исследования в преобладающем большинстве, осознанно или неосознанно, осуществляли этот принцип. Значительно существеннее в этом плане содержание, вкладываемое авторами в понятие системы, которая рассматривается как некая абстрактная модель, и определение степени удовлетворительности конструируемых моделей, а также последовательность предлагаемых процедур. Для типологических характеристик особое значение имеет

описание связей по типу: «если имеется а, то имеется и б» и т. д. Наряду с задачами синхронной типологии рассматриваются и цели структурной типологии в диахроническом плане, которые определяются как установление вероятностных типов преобразования языковых систем во времени.

Первое развернутое описание структурной лингвистической теории для типологической характеристики языков содержит труд Б. А. Успенского «Структурная типология языков». В работе рассматривается предмет и задачи структурной типологии, которая определяется как систематизация, инвентаризация явлений языков по структурным признакам, т. е. как типология структур. Существенным для типологического сравнения, по мнению автора, является понятие языка-эталона. Определяются общие трансформации, необходимые для описания конкретных языков относительно языка-эталона. Языки классифицируются затем по тем трансформациям, которые имеют место; существенным для типологической классификации является положение о сосуществовании в пределах одного языка микросистем, являющихся представителями разных типовых констант. Особый интерес представляет анализ значительного числа универсалий разных уровней, данный в приложении, хотя не все рассматриваемые явления получают убедительную интерпретацию. Положительным в работах по типологии этого направления является стремление к строгости описания, четкость предлагаемых процедур, стремление сочетать дедуктивные построения и данные реальных языков. Однако, как, впрочем, и в других структуральных исследованиях, наблюдается излишняя осложненность самих процедур, излишняя сложность построения, новое же иногда раскрывается как старые истины, выраженные в более строгих терминах.

* * *

Подводя итоги развития типологических исследований за пятьдесят лет, следует подчеркнуть разносторонность и

многообразие этих исследований в последнее десятилетие. Однако обращает на себя внимание малочисленность монографических трудов и, что особенно важно, почти полное отсутствие типологических работ с широким охватом языков разных семей. Между тем, очевидно, задачей типологии в конечном итоге является установление общих структурных черт языков мира на основе последовательной инвентаризации тех явлений, которые могут быть определены как универсалии; определение тех минимальных структурных признаков, без которых не существует естественных языков, а также выявление общих закономерностей преобразования языковых систем и подсистем. Но решение этих задач предполагает длительную работу над типологическим изучением языков разных семей, а Советский Союз с его огромным языковым богатством представляет особенно благоприятные условия для развертывания подобных исследований.

Примечания

1. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, стр. 215, 371, т. II, стр. 30-31.
  2. Марр, 1927, стр. 151.
  3. Ср.: Н. Я. Марр. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории.- Собр. соч., т. 3, стр. 71.
  4. Марр, 1927, стр. 132.
  5. Мещанинов, 1936, стр. 57.
  6. Жирмунский, 1964, стр. 3.
-

Библиография

- Андреев И. Д., 1957. - Периодизация истории индоевропейского праязыка.- ВЯ, № 2.
- Аналитические конструкции в языках разных типов, 1965. М.
- Бурлакова М. И., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Топоров В. Н., 1962. - Структурная типология и славянское языкознание. - Сб. «Структурно-типологические исследования». М.
- Бубрих Д. В., 1945. - К вопросу о стадильности в строе предложения. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», № 3-4.
- Гухман М. М., 1940.- Происхождение строя готского глагола. М.
- Гухман М. М., 1945. - Конструкции с дательным-винительным лица в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 4, вып. 3-4.
- Гухман М. М., 1947. - О стадильности в развитии строя индоевропейских языков. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. VI, вып. 2.
- Гухман М. М., 1957. - Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования. - ВЯ, № 5.
- Гухман М. М., 1964. - Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М.
- Десницкая А. В., 1937. - Чередование гласных в германских языках (ablaut). Л.
- Десницкая А. В., 1940. - Переходные и непереходные глаголы. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 5.
- Десницкая А. В., Каузативные глаголы. Там же.
- Десницкая А. В., 1941. - Именные классификации и проблема индоевропейского склонения. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», № 3.
- Десницкая А. В., 1947. - К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ»,

т. 6, вып. 6.

Десницкая А. В., 1948. - Архаические черты в индоевропейском словосложении. «Язык и мышление», т. XI.

Жирмунский В. М., 1940. - Сравнительная грамматика и новое учение о языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», № 3.

Жирмунский В. М., 1945. - Развитие категорий частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 4, вып. 3-4.

Жирмунский В. М., 1956. - Немецкая диалектология. М.- Л.

Жирмунский В. М., 1964. - Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М. - Л.

Жирмунский В. М., 1965. - Общие тенденции фонетического развития германских языков. - ВЯ, № 1.

Иванов В. В., 1957. - Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков. «Вестник МГУ». Ист.-филол. серия, № 2.

Иванов В. В., 1958. - Типология и сравнительно-историческое языкознание. - ВЯ, № 5.

Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Кацнельсон С. Д., 1936. - К генезису номинативного предложения. М.- Л.

Кацнельсон С. Д., 1941. - К истории партитивного определения. «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, вып. 5.

Кацнельсон С. Д., 1947. - Эргативная конструкция и эргативное предложение. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», вып. 1.

Кацнельсон С. Д., 1949. - Историко-грамматические исследования. М.- Л.

Кацнельсон С. Д., 1958. - К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой

системы. - ВЯ, №. 3.

Майтинская К. Е., 1966. - К происхождению местоименных слов в языках разных систем. - ВЯ, № 1.

Макаев Э. А., 1964.- Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. - ВЯ, № 1.

Марр Н. Я., 1927. - Яфетическая теория. Баку.

Марр Н. Я., 1933. - Индоевропейские языки Средиземноморья. - Избр. работы, т. I. Л.

Марр Н. Я., 1933. - Предисловие к немецкому изданию «Яфетического Кавказа». - Избр. работы, т. I. Л.

Марр Н. Я., 1933. - Яфетические языки. - Избр. работы, т. I. Л.

Мещанинов И. И., 1936. - Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л.

Мещанинов И. И., 1940. - Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л.

Мещанинов Я. И., 1940. - Притяжательное склонение в унанганском (алеутском) и абхазском языке. «Язык и мышление», т. IX. М.- Л.

Мещанинов И. И., 1945. - Члены предложения и части речи. М.- Л.

Мещанинов И. И., 1948. - Глагол. М.-Л.

Мещанинов И. И., 1948 - Эргативный строй и его отношение к другим языковым структурам. «Язык и мышление», т. XI.

Мещанинов И. И., 1958. - Типологические сопоставления и типология систем.- НДВП. Филол. науки, № 3.

Мещанинов И. И. - Структура предложения. Л. 1963.

Морфологическая структура слова в языках различных типов, 1963. Л.

Морфологическая типология и проблема классификации языков, 1965. Л.

- Поливанов Е. Д., 1928. - Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.
- Поливанов Е. Д., 1957. - Фонетические конвергенции. - ВЯ, № 3.
- Проблемы структурно-типологического описания германских языков. 1965. М.
- Рифтин А. Д., 1946. - Основные принципы построения стадий. «Труды юбилейной научной сессии». Л.
- Рифтин А. П., 1946. - Из истории множественного числа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 10.
- Рифтин А. П., 1946. - О двух путях развития предложения в аккадском языке. Там же.
- Скорик П. Я., 1948. - Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посессивный строй предложения.
- Серебренников Б. А., 1958. - К критике некоторых методов типологических исследований. - ВЯ, № 5.
- Смирницкий А. И., 1962. - Сравнительная фонетика новогерманских языков. М.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков, ч. I, 1964; ч. II, 1966.
- Структурно-типологические исследования, 1962. М.
- Типология восточных языков. Материалы конференции, 1965. М.
- Успенский Б. А., 1961. - Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий. - ВЯ, № 6.
- Успенский Б. А., 1962. - Принципы структурной типологии. М.
- Успенский Б. А., 1965. - Структурная типология языков. М.
- Эргативная конструкция, Л., 1967.
- Ярцева В. Н., 1960. - О сопоставительном методе изучения языков. «Филол. науки», № 1.
-

Источник текста - сайт Centre de recherches en histoire et epistemologie comparee de la linguistique d'Europe centrale et orientale (CRECLECO) / Universite de Lausanne.

